

Война в куклы поиграть решила (дневник для моей доченьки).

Гигель Т.Е.

Черногорск, МБОУ СОШ №19, 10 Б класс

Руководитель: Кульбашина Л.В., г. Черногорск, МБОУ СОШ №19,

учитель русского языка и литературы

15 октября 1941 года.

Уезжаю на фронт. Здравствуй, доченька! Решила написать этот дневник для тебя, потому как оставляю совсем крохой, ты меня и не успела запомнить. Но, Варюша, не думай, бабушка Нина о тебе позаботится, она женщина мировая. Всегда такая заводная; глаза добрые, живые. А сейчас стоит, окаменев, тебя к груди крепко прижала да платок лихорадочно ладонью теребит. Ее всегда румяное лицо будто туманом затянуло, а глаза словно росой покрылись.

Смотрю из окошка, а ты ко мне ручки тянешь, улыбаешься, сидя у бабушки на ручках. Думаешь, наверное, что провожаешь, как обычно, на работу. Будешь ждать меня к вечеру. Только в этот раз я задержусь надолго. Может, навсегда...

Прости меня, мать я никчемная теперь: война в куклы поиграть с людьми решила, в снайпера меня передела. Только нечестная совсем игра получается. Куклы, сделанные из грязных тряпок, у которых внутри гниль одна, кому Гитлер лицо да душу чёрными углями изрисовал, пакости творят. И тех кукол, кого семья ждет, чтобы из солдат снова в человека нарядить, в могилу пулями втаптывают, как отца твоего... Когда похоронка пришла (как вспомню ту злосчастную минуту, так слезы гроздьями с щёк моих свисают...), рухнула я на колени, подползла к твоей колыбельке, глянула на личико твое свеженькое, а в голове крик раздался: “За что не дали враги тебе, малышка, отца увидеть, его родительского слова услышать? Почему лишили счастья твоего отца дочку обнять и опорой крепкой чаду стать?”. Тут мне словно вены и душу кипятком обдало от мыслей своих. Так щемило грудь от

обиды, разрывало от свирепой боли! Тогда решила я, что только месть проклятым немцам заштопает дыру в сердце, что прожжена была смертью твоего отца.

Фронту всякая помощь на пользу будет, и я чувствую, как нужна там, на войне. Эта похоронка будто знак мне был, что пришел мой черёд постоять за семью. За Родину. За мир. Ради твоей жизни и счастья. Ради тебя, моя Варенька!

18 ноября 1941 года.

Снова пишу для тебя, дочка. Наконец-то освободилась минутка. Уже пообвыклась на новом месте. Комнатушки в домиках маленькие. Да думаю, есть где переночевать, и то в радость! (А в бою и окопы постелью послужат). Нам с Марусей совсем не тесно. Наоборот, койки две есть, а мы по вечерам на одну сядем, друг к другу прижмёмся и уютимся в уголке. Порой песню какую тихонько запоём, а когда и о жизни довоенной поболтаем. Вспоминаем, как после работы ещё в институт на курсы бегали. Мечтали авиаконструкторами стать. Какие воодушевлённые были! Свернула наша тропинка на войну, детка.

Ах, да! Про Маню-то Поливанову не писала тебе. Мы с ней сразу после школы сдружились и вместе по своей воле заявление подавали, чтобы нас на фронт снайперами приняли; вот и оказались в одном батальоне. Мы всегда друг другу доверяли, а сейчас и вовсе в одно целое сплелись. Обидно только, что война тому причина. Наша дружба крепче металлического сплава стала, и совестно, что раньше не ценили эту связь. Теперь друг друга сёстрами считаем, потому как родней нам здесь только русская земля осталась.

Пока в тылу находимся, зря времени не теряем. Сами опыту набираемся, а в чём уже хороши, тому юнцов обучаем. Да только не по душе мне спокойствие такое! Скорей бы в бой, чтоб всю нашу любовь к Родине обнажить перед фрицами погаными! Они такой и в жизни не видали, коли чужая земля им всё лучше да нужнее, чем своя, родная. Говорят, враги уже из

кожи вон лезут, чтоб на близлежащую деревню напасть. Недолго им планы строить осталось...Как вступит наш батальон в битву, так сразу смелость свою немцы растеряют.

22 февраля 1942 года.

Вот я и на фронте. Присела около землянки. Шинелью колючей накрылась. Уже потеплело, а воздух, всё одно: то задрожит, то оцепенеет...От страха. Как я. Деревья, чёрные, мертвецами стоят, не шелохнутся. Всё вокруг, будто серой пеленой покрылось, как во сне кошмарном.

В ноябре думали, что вот-вот в оборону пойдём, но наша сила и не пригодилась: русские морозы ударили по немцам, доселе они и не высывались. (Сердце уже отморозили, голову, видать, берегут для коварств своих). Всё-таки не одни мы за Отчизну воюем, вера Божья и природа родная помогают.

Вчера первый раз на охоту с нашей дивизией вышли, Новую Руссу отстояли. Первый опыт, а уже успехи: одиннадцать фашистов пулями поразила. Командир похвалил: «Молодец, снайпер Наталья! Бойкая какая!». А в батальоне подшучивают: «К тебе и поговорку не применить: ты и часто, и метко стреляешь».

Успех успехом, шутки шутками, да только мысль после боя в голову вонзилась: «Уничтожила одиннадцать врагов. Подлецов. Истязателей. А с ними в землю полегли одиннадцать сыновей. Мужей. Братьев». И не даёт она мне покоя. С глаз моих ни во сне, ни наяву лицо фрица того рыжего не сходит. Прицелилась в него, хотела вот-вот на курок нажать, но будто помутнело моё сознание, сердце заколотилось. В снайперской школе учили, что работать мы должны без единой погрешности, быстро, хладнокровно, но ведь стреляли только по мишеням. А тут всё не понарошку: у живого человека нужно жизнь своей рукой отнять.

Спустя мгновенье заметила я, как злодей тот яростью пышет, а зрачки его ненавистью кипят (облик человеческий, а внутри зверь дикий бушует).

Вцепилась в винтовку я немедля. Щелчок. И вот противник кусты своим телом застигает.

28 февраля 1942 года.

Сегодня командира чуть было не потеряли. При освобождении села Рутчева поручили нам с Марусей кукушек немецких обезвредить, что на колокольне засели. «Удобную позицию заняли. Всё им оттуда видать, да не всех. Не на тех напали! Маскировка у нас отменная. Тем более в своих-то лесах!» — подумала я, и тотчас в окопе мы обосновались. Те, как листья осенние, с колокольни посыпались, наша пара снайперская слаженно работает.

Вокруг бомбёжка разрушительная развернулась. Голос у нашего командира на удивление громкий, а тут заметили с подругой, что и приказов его ежеминутных не слышать. Стала взглядом рыскать, а он в метрах шести от нас на голом, видном месте по земле волочится, от боли корчится. Ползком я к нему добралась, на плечо взвалила, и как пришлось, обратно переместилась, к окопу. Там, где командир лежал, через минуту деревья с корнем выворотило и землю распотрошило. Нет, не трудно мне спасти его было, а трудно принять, что по нашей вине он ранен был, кукушку, получается, одну проглядели, которая в леске за колокольней притаилась. В ключицу ему осколок вонзился, изъять его медсёстрам удалось, да только боль разъедающая (заживает дольше, чем нога).

Хоть и не падаем мы духом ни на миг, а в землянке тишина ночная нас колыбельными, стонущими убаюкивает. Им голоса раненых, прерываясь, вторят. И сердце от ансамбля такого в груди мечется, и ладони в кулаки сжимаются от злости на обидчиков народа советского. Бабуля тебе, наверное, тихо, ласково добрые колыбельки поёт. Воюю и молюсь, чтоб ты таких, как здесь напевов не услышала.

Знаешь, Варенька, теперь выдержка у меня стальная стала, винтовка — верная подруга в бою, отлично ладим с ней. И не предаюсь я больше

смятению и тревоге, в фашистов целясь. Не властна надо мной жалось к врагу! Нет, ты не подумай, дочка, не жестокость и равнодушие моим сердцем овладели, это всё к родной земле, к сослуживцам и к вам, близким людям любовь громче в душе откликается.

Мне фотокарточка твоя напоминает, ради кого каждый день немцев в могилы укладываю, надежду теплит, что ещё обнимемся с тобой. Посмотрю перед боем, и цель ясней становится.

12 марта 1942 года.

Ранена. Очнулась утром в госпитале, бинтами поперёк перемотанная. Слабость такая, что карандаш в руке еле держится. Смутно помню, как тут оказалась. Только как за Великушу сражались припоминаю. Немцы в контратаку перешли, с трудом нам удавалось оборону держать. Уже больше часа мы неподвижно лежали в перелеске, не давая ответных выстрелов, чтобы сбить противника с толку. Ветер, хлёткий и нещадный, губы и руки трещинами кровавыми покрыл. Тело, будто цепями сковало. Вдруг майора Довнара контузило. Я на Машку глянула, она сразу поняла мои намерения и спрашивает: «Пережди. Майора санитары сейчас унесут. А ты здесь нужнее!» Я не послушала, бросилась, так и зацепила меня пуля по дороге, когда пулемёты врагов без продыха строчили. Маруся всегда рассудительней была, зря её советом пренебрегла. Оставила её одну в сражении жутком, подруга называется... Как она там? Что с ней?

О себе не переживаю, медсёстры говорят, я «в белой рубахе» родилась, везунчик: в живот пуля попала, но далеко не зашла, быстро достали. Только совесть мучает, что с фронта меня увезли, что бесполезно эти дни в постели отлёживаюсь и сослуживцев подвожу.

6 апреля 1942 года.

И снова в строю! Ненадолго фашисты проклятые меня от снайперского дела отстранили, ненадолго себя уберегли. Раны затянулись, а шрамы

напоминать мне будут, что нужно бдительность и сосредоточенность на поле боя сохранять, которые опытному снайперу присущи.

А Машу, оказалось, тоже ранило через два дня после меня. Всё обошлось, но не простила б я себе, если страшное бы что с ней случилось. Ах, как счастлива я, что мы встретились! Не можем друг без друга.

23 мая 1942 года.

Опять среди белых халатов проснулась. И ноги, и руки осколками мне раскроило. Будто каждого фрица, мной уничтоженного, судьба раной гнойной и глубокой мне в тело вонзила. Досадно. Как птице вольной, мне, словно крылья отрезали.

Несколько дней жар у меня не спадал. В бреду снилось мне, что мы увиделись наконец. Надеюсь, сон вещий, Варенька! Ты в прекрасном платьице стоишь, повзрослевшая.

Только ты мне говоришь что-то, плачешь, а я дотянуться и прикоснуться к тебе не могу, будто неживая. И слово вымолвить не получается, будто язык завязали в узел.

14 августа 1942 года.

Дорогая, доченька! Чувствую, что это моя последняя запись в дневнике. Батальон наш совсем поредел. Трое нас осталось в окопе. Я с Марусей да снайпер Новиков. Ни мёртв, ни жив лежит, кровью истекает и винтовку в руки взять сил у него не осталось... Командир наш храбрый вот-вот погиб, тут я и открыла свой дневник. Хотя к горю моему, не увидишь ты его, наверное. Хотела кому-нибудь из отряда нашего передать, когда умирать буду, да некому: немцы жестокие всех к небесам отправили. Может, чудом дойдёт.

Мы с Машей друг другу бинты навязываем нежно, аккуратно. Как жаль, что последний раз о ней забочусь! Пусть и у тебя такой товарищ будет, с которым и за которого умереть нестрашно.

Скоро фашисты к нам проклятые вплотную приблизятся. Но не смеем мы живыми сдаться и позволить этим чертям по земле нашей боле гулять.

Варенька, береги Родину с такой же любовью, с какой я для тебя её сберегала. Человек человеку не кукла: поранишь – не заштопаешь.

Твоя мама, Наталья Венедиктовна Ковшова.